

П

ервая моя, еще не «рабочая», но как бы уже и «установочная» встреча с самым титулованным воронежским археологом Анатолием Дмитриевичем Пряхиным оказалась случайной: на открытии обновленной древнеегипетской экспозиции в Музее изобразительных искусств им. И.Н. Крамского.

После окончания мероприятия мы пошли пешком по проспекту Революции да еще с час проговорили на автобусной остановке.

Долгая же предметная беседа состоялась через несколько дней у Анатолия Дмитриевича дома. Потом он заходил ко мне на Никитинскую, в Союз писателей, — я что-то уточнял, переспрашивал.

Итак...

Родился Анатолий Дмитриевич в старинном русском городе Ельце (тогда Орловской, ныне — Липецкой области. — Ю.К.) 23 августа 1939 года. Его родители, Дмитрий Николаевич и Мария Петровна, были служащими на железной дороге.

В 1941-м началась война, и детская память сохранила совсем не детские «кадры»: разрушенный Каракумовский мост, бомбежка железнодорожного вокзала, эвакуация семьи в Казахстан. Отец и мать Анатолия в годы войны были мобилизованы на трудовой фронт. Воспоминания о возвращении в родной Елец — колонны пленных немцев, уныло бредущих по Красноармейской улице, и — голод. Постоянно хотелось есть...

— А знаешь, — улыбается Анатолий Дмитриевич, — я в шутку называю себя «участником войны». Во время немецких бомбежек Ельца все обычно прятались в подвалы. А мне лень было бегать туда-сюда, и я лез под кровать и пережидал бомбежки там — получается, вроде как на переднем крае боевых действий. А еще — уже после войны — швырялся камнями в пленных фашистов. Малец-малец, однако камни кидал ловко. Но и получал, бывало, за это...

Большое влияние на формирование личности и интересов Анатолия оказал дед Петр Алексеевич. Он рассказывал мальчику «преданья старины глубокой» о древнем Ельце, о величественной Аргамаче, возвышающемся над берегом Быстрой Сосны, ну и вообще — о былом, что в дальнейшем, конечно же, во многом предопределило выбор внуком именно такого жизненного пути...

— В детстве воспитанием моим больше занимались дед и бабушка Ксения Иосифовна, — говорит Анатолий Дмитриевич. — И я даже называл их — «папа Петя» и «мама Ксина». А родителей просто — «папа» и «мама»...

Но «выбор пути» будет позже, а тогда, после окончания в Ельце Толей третьего класса, семья Пряхиных переехала в Подмосковье: Зеленоградский район, станция Крюково. Учился Анатолий в Каширской средней школе и окончил ее в 1957 году. Однако Елец навсегда остался его «первой (и, думаю, главной) любовью». Он приезжал туда постоянно, особенно на школьных каникулах.

И кстати, именно тогда, еще пацаном, Толя принял участие в своих первых археологических раскопках. В окрестностях Ельца все время «копали», и мальчик уходил утром, а возвращался чуть ли не затемно — с величайшим интересом помогал археологам, так сказать, на общественных началах...

— Елец столько дал мне! — говорит Анатолий Дмитриевич. — Когда я впервые пришел в местный краеведческий музей, директором там был Алексей Прокофьевич Небудко, замечательный человек и энтузиаст исследования родного края. Сколько же мы исходили троп и дорог! А уже в бытность мою студентом мы с Алексеем Прокофьевичем ездили на Каменную гору — древний Елец. (Кстати, еще был свидетелем раскопок старого городища около Каширы.) И я очень рад, что и сам через много лет смог стать чем-то полезным родному городу. Елец — это поистине отдельная глава в моей жизни.

— Но почему поступили в Воронежский университет? В Ельце ведь был педагогический институт. Да и жили под Москвой.

— В Елецком пединституте тогда — нонсенс, конечно! — не было исторического факультета. (Слушай, ну что это — педвуз без истфака!) Я собирался поступать в МГУ. Окончил школу в 1957-м, и в том году в МГУ принимали только золотых medalists. Я шел на золотую медаль, но на школьных выпускных экзаменах наломал дров на сочинении по «Горе от ума» Грибоедова — Скалзуба назвал Зубоскалом. Медаль в итоге не получил и решил ехать в Воронеж.

Почему сюда? Родители в свое время окончили СХИ. А еще, конечно, наслышан был о Костенках.

Крепко помог, в том числе деньгами, дядя, который был ненамного меня старше. А родители вообще не знали о моих планах. Я попрощался: «Пока, — говорю. — Поехал...» Они думали, на целину. А я поступил в университет и только тогда сообщил об этом отцу и матери. Нелегко, конечно, было на первых порах. Иногда даже приходилось на вокзале ночевать.

А.Д. Пряхин

— А почему именно археология, Анатолий Дмитриевич? Вот, к примеру, ваши товарищи и коллеги: Арсен Тигранович Синюк мечтал стать археологом с детства, а Анатолий Захарович Винников, судя по его воспоминаниям, любя «историю вообще», к археологии шел постепенно. А вы?

— Ну, я же, повторяюсь, начал «копать» еще школьником. А главное — куратором нашей учебной группы стала Анна Николаевна Москаленко.

И вот однажды Анна Николаевна где-то что-то «недорыла», отобрала ребят-первокурсников, меня в том числе, и мы стали копать. И там возникло уже по-настоящему профессиональное влечение к археологии. А позже (3-й — 4-й курсы) по рекомендации Москаленко меня взяли на раскопки в Черниговской области тогдашней УССР Любечского замка Владимира Мономаха (с 1078 по 1094 год будущий великий князь Киевский Владимир Мономах княжил в Чернигове. — Ю.К.), руководил которыми один из титанов нашей археологии и исторической науки академик,

директор Института археологии Академии наук СССР Борис Александрович Рыбаков. Представляешь, какая школа?! Нам с другим студентом-добровольцем Петей Толочко работа, правда, досталась нудная — копать столбовые ямы на въезде, но нашей старательностью мэтр остался доволен и, видимо, нас запомнил. (К слову, сегодня академик Петр Петрович Толочко является президентом Национальной академии наук Украины.) А меня Рыбаков после в каком-то смысле слова курировал, опекал.

В 1959 году, будучи на каникулах в Ельце, я познакомился с ленинградским археологом Всеволодом Протасовичем Левенком, который производил разведку в округе Ельца и в том числе на Воргольском городище. Но Левенка интересовал в первую очередь неолит, а я задумался о раскопках городища, тем более что там имелись и материалы, аналогичные находкам на Титчихе, на которой мы работали под началом Анны Николаевны Москаленко.

И я, еще будучи студентом, в 1961 году, впервые руководил самостоятельными раскопками — Воргольского городища. Позже (1964, 1980, 1981 годы) было еще несколько экспедиций, в результате которых мы получили многочисленные свидетельства эпохи бронзы, раннего железного века, славяно-русского времени конца I тысячелетия нашей эры и более позднего периода. Я и дипломную работу защищал по Воргольскому городищу.

Так что уже тогда мой путь в науку фактически был predetermined; да еще и учась на пятом курсе, принимал экзамены у младшекурсников. (Кстати, в те годы изо всех других студентов, интересующихся археологией, уже выделялись Арсен — мы звали его Алик — Синюк и Анатолий Винников, про которого Анна Николаевна еще «на раннем этапе» мне сказала: «Толя, там есть такой Винников. Очень упрямый парень, делает все наоборот. Обрати на него внимание...») Тогда же я стал лаборантом кафедры истории СССР досоветского периода, а после окончания учебы — ассистентом этой кафедры, аспирантом у Анны Николаевны Москаленко. Через четыре года, в 1966-м, защитил в Институте археологии СССР кан-

дидатскую диссертацию «История Верхнего и Среднего Подонья во II — начале I тысячелетия до нашей эры». И материалы эпохи бронзы из Воргольского городища раскопок сезона 1964 года я тоже включил в текст диссертации...

Во второй половине 1960-х — середине 1970-х годов Воронежский университет значительно расширил масштабы археологических полевых исследований. Основные работы проводились совместно с Институтом археологии Академии наук СССР в зоне строительства будущего Воронежского водохранилища, и оказалось, что нижнее течение реки Воронеж — подлинное археологическое Эльдorado. Некоторые результаты тех раскопок нашли отражение в вышедшей в 1968 году в моем родном Центрально-Черноземном книжном издательстве брошюре А. Пряхина и А. Синюка «Древности из зоны Воронежского моря». А предварительная оценка найденных там абашевских древностей была дана в первой монографии Пряхина «Абашевская культура в Подонье» (ВГУ, 1971)...

— Но, может быть, самым главным результатом того периода, — говорит Анатолий Дмитриевич, — стало то, что университет наконец «поверил в археологию». В том смысле, что если до масштабнейших раскопок в зоне водохранилища она пребывала в ВГУ где-то на вторых, если не на третьих ролях, то после этих раскопок университетская археология вдруг точно восстала во весь рост.

Ну вот посуди сам. Копали, повторю, — вместе с Академией наук СССР! От Академии руководил раскопками заместитель директора Института археологии Петр Дмитриевич Либеров — фигура просто легендарная, — а от ВГУ — ваш покорный слуга. И все материалы поступали к нам. А с площадями в университете тогда была напряженка. Где все это хотя бы первично складировать, разбирать, чистить, мыть? И — пришло в коридорах. Загадили мы их, конечно, неопишимо! Но с другой стороны — руководство, с изумлением взирая на все это столпотворение, словно впервые увидело и осознало: вот она — АРХЕОЛОГИЯ!.. В общем, раскопки те сыграли колоссальную роль в дальнейшем развитии археологии в университете. Не зря же, пускай и с некоторым преувеличением, говорится: «Главное — имидж».

И сами мы в процессе этих полевых сезонов росли. Толя Винников успешно работал по средневековью, Алик Синюк здорово поднялся тогда — знаменитая 3-я Университетская стоянка; он занимался неолитом и ранней бронзой. И вот к слову. Арсен работал в краеведческом музее; я помог ему устроиться в пединститут. А там археология была, чего греха таить, слабая. Шоков Антон Федорович являлся, скажем так, специалистом прошлого поколения. А Арсен в «педе» и свою жизнь как ученого, и институтскую археологию начал просто с новой страницы. С годами же, сам знаешь, создал там авторитетную научную школу.

Ну а с нами стали сотрудничать, лекции читать в университете, вести спецкурсы светила отечественной археологии: Валерий Павлович Алексеев, Анатолий Пантелеевич Деревянко, Светлана Александровна Плетнева, Владимир Иванович Матющенко, Константин Федорович Смирнов, Владимир Федорович Генинг, Валерий Иванович Гуляев, директор Государственного Эрмитажа Борис Борисович Пиотровский... В общем, воронежская археология стала выходить на всесоюзный уровень...

А еще тот период (вторая половина 1970-х — середина 1980-х) — время интенсивной работы Анатолия Пряхина над докторской диссертацией. И здесь большую роль сыграло его участие в раскопках памятников за пределами бассейна Дона — в Пензенской области, Самарском Поволжье, в Башкирии, Зауралье — зоне известного сегодня на весь мир Синташтинского поселения. Также под руководством Пряхина в 1976 году был раскопан просто уникальный курганный могильник абашевской культурно-исторической общности у села Подклетное на окраине Воронежа. Яркие материалы этого погребального комплекса Анатолий

Дмитриевич включил в текст своей докторской диссертации, которую опубликовал еще до защиты в двух монографиях (1976, 1977).

И, конечно, нельзя не сказать об исследованиях Мосоловского поселения на реке Битюг (Аннинский район Воронежской области). Уже первый (1972) год работ дал яркие находки, характеризующие металлопроизводственную деятельность населения срубной культуры. Последующие раскопки под руководством А.Д. Пряхина и В.И. Сагайдака подтвердили подлинную научную ценность этого памятника.

Всего же полевые исследования поселения (в том числе и совместные с украинскими коллегами) продолжались более полутора десятилетий. Масштаб работ поистине впечатляет: основная площадь памятника (около 11000 квадратных метров!) была раскопана почти полностью. И материалы Мосоловки на долгие годы станут основой ряда статей и темой двух обобщающих монографий, в которых Анатолий Дмитриевич подвел итог многолетним исследованиям этого уникального поселения металлургов-литейщиков срубной культурно-исторической общности. А еще — через памятник «прошли» множество молодых ученых, в связи с чем весьма актуально высказывание одного из ведущих археологов Башкирии профессора В.С. Горбунова о том, что Мосоловское поселение фактически стало учебно-методическим полигоном, сформировавшим научную школу А.Д. Пряхина.

— ...Ты понимаешь, все данные из раскопок Мосоловки и их сопоставление с материалами Донецкого бассейна позволили сделать вывод о существовании в срубное время единого доно-донецкого центра металлургии и металлообработки, а не исключительно лишь «импорта», как раньше считали, руды и изделий с Урала. И по Мосоловке я опубликовал две книги — в 1993 и 1996 годах. А время-то сам помнишь какое было трудное — кризис в стране по всем направлениям. Спасибо, помог академик Валерий Павлович Алексеев — написал письмо тогдашнему министру Тихонову, в котором говорил, что подобная работа привлечет внимание европейских и американских ученых и станет огромным вкладом в мировую археологическую науку. Министр переадресовал это письмо ректору ВГУ, и в итоге монография вышла, хотя по причине того же экономического кризиса полиграфическое исполнение, конечно, оставляло желать лучшего.

И у меня сейчас есть мысль: сделать третью книгу — Мосоловка и Донецкие рудники. В отличие от многих коллег, я к одному и тому же сюжету могу возвращаться не раз. Это не — «написано и с плеч долой» и не груз бывшего какой-то, а основа для дальнейшего развития.

Добавлю еще по этому поводу. У меня было две книги по Доно-Донецкому региону в эпоху бронзы. Последняя вышла в 2010 году. Так надо делать третью — о современном этапе. Трехтомник — это, конечно, интересно...

Ой, по-моему, уважаемые читатели, следуя за «словом и делом» своего героя, я несколько увлекся, нарушил хронологию и должен теперь на время вернуться назад. Возвращаюсь.

В 1976 году Анатолий Дмитриевич Пряхин стал заведующим кафедрой археологии и истории древнего мира ВГУ и практически сразу же занялся формированием научного направления «Восточноевропейская лесостепь и развитие обществ с производящей экономикой (эпоха бронзы — раннее средневековье)». В 1977 году он защищает в Институте археологии АН СССР докторскую диссертацию «История древних скотоводов II тысячелетия до нашей эры лесостепных районов Подонья, Поволжья и Южного Урала (абашевская культурно-историческая общность)»; в 1978-м получает ученое звание профессора. С 1978 года кафедра начинает издавать серию научных статей «Археология восточноевропейской лесостепи» (с 2005-го — серию «Археологические памятники Донского бассейна»). В начале 1980-х создается археологический музей ВГУ; через несколько лет в струк-

туре кафедры была образована лаборатория естественнонаучных методов. Защищают кандидатские диссертации А.П. Медведев, Ю.П. Матвеев, позже — М.В. Цыбин, А.С. Саврасов, Н.П. Писаревский, и на кафедре формируется сильный коллектив молодых талантливых археологов. К слову, на археологии специализировались и некоторые иностранные студенты; многие из них ныне работают в университетах и научных центрах ряда стран Европы, Африки и Латинской Америки...

— Особенно значительно влияние воронежской археологии в республике Мали, — говорит Анатолий Дмитриевич. — Там наукой руководят выпускники нашего университета, в том числе и мои ученики. И мы несколько сезонов копали в верховьях Нигера культуру Дога...

— Это средневековье, Анатолий Дмитриевич?

— Да.

— И что, ужель те самые догоны?..

(Африканское племя догонов, уважаемые читатели, на протяжении тысячелетий хранит свой собственный, стройный миф теории Мироздания. По мнению некоторых исследователей, их уникальные знания представляют собой просто удивительную загадку. Догонам известно строение системы звезд Сириуса, расстояние от них до Солнца, их массы, орбиты, периоды обращения и даже плотность. Согласно мифологии догонов, на Землю уже дважды прилетали представители цивилизации со звезды Сиги толо — Сириус из созвездия Большого Пса. А некоторые «метаисторики» считают догонов потомками расы атлантов. Вот так вот! — Ю.К.)

— Самые те. Побывал я у них, вместе со своими бывшими учениками, пообщался, так сказать, с племенным руководством. И между прочим, догонские шаманы производили надо мной определенные обряды, инициации, чтобы я смог посетить их сакральные, священные места. Министра культуры Мали туда не пустили. А я вот удостоился, понимаешь.

Очень интересно, Анатолий Дмитриевич! Но давайте вернемся домой. Вопрос дилетанта: кто, какие племена жили в нашем регионе в последние несколько тысячелетий?

— Ну, если очень схематично, без нюансов и полутонов, то IV — середина III тысячелетия до нашей эры — это ямная культура; далее, до начала II тысячелетия — катакомбники; потом, вторая половина II тысячелетия — абашевцы; за ними, где-то до начала I тысячелетия до нашей эры — срубники. (Названия «ямная», «катакомбная» и «срубная» — по характеру погребений. — Ю.К.) Все они индоевропейцы. Дальше идет, так сказать, «смутное время» — несколько «темных веков», с которыми и у специалистов пока ясности нет. Ну а затем — раннее железо, скифы, сарматы (и те, и те — ираноязычные кочевники); открыт и комплекс черняховской культуры на Верхнем Дону, а у нас имеются памятники, испытывавшие на себе ее влияние. (Черняховская культура, досточтимые читатели, выражаясь простым языком, штука сложная. Она была распространена в III–IV веках нашей эры от Нижнего Подунавья до левобережья Днепра и включала в себя множество этнических компонентов: поздних скифов и сарматов, балтов, а также ранних славян под, видимо, верховенством германцев-остготов. — Ю.К.) Ну а далее уже идет Средневековье...

И вот как раз к вопросу о Средневековье. В начале 1980-х годов А.Д. Пряхин заложил в Воронежском университете основы научного направления, связанные с изучением Юго-востока Древней Руси. И здесь на первом плане, конечно, раскопки многослойного Семилукского городища на реке Дон и разведки в его округе (1981, 1984 — 1993 годы).

— ...В Семилукском городище, — говорит Анатолий Дмитриевич, — мы обна-

ружили три слоя — катакомбники (эпоха бронзы), скифы (железо) и Древняя Русь. Что касается последней — были выявлены улицы, дворовая застройка — 16 жилых построек, а также около 20 хозяйственных ям; получена массовая серия керамики. В результате анализа всего этого материала и других многочисленных находок мы можем всесторонне изучить характер домостроительства, хозяйственную деятельность населения, определить время и истоки основания городища. Кстати, хронологические рамки его «жизни» достаточно узки — конец XII — первая половина XIII века. И я считаю, что это и есть тот самый летописный Воронеж (упомянутый впервые древнерусскими летописями под 1177 годом. — Ю.К.) Но в, так сказать, полноценный город он развиться не успел — помешали внешние факторы, в первую очередь — нашествие монголов...

А в 1993–1997 годах кафедра археологии ВГУ разрабатывает под руководством А.Д. Пряхина и Ю.Д. Разуваева, по федеральной программе «Археология и археологическое наследие народов Российской Федерации», научную тему «Памятники археологии Центрального Черноземья в системе историко-культурного наследия народов Российской Федерации». «Копали» тогда университетские археологи на одиннадцатикилометровом участке — к северу от нашего города, вверх по течению реки Воронеж, зафиксировав в итоге 34 археологических памятника разных эпох. И результаты этих исследований легли в основу научно-прикладной программы «Вантит — уникальная археологическая территория России» (Вантит — упоминаемый в средневековых арабских источниках город на окраине славянского мира. — Ю.К.)

— Так где же именно, по вашему мнению, Анатолий Дмитриевич, находился Вантит?

— Борис Александрович Рыбаков считал Вантитом «Михайловский кордон» — крупное городище славян, которое было расположено над современным дачным поселком Рыбачье, недалеко от санатория имени Максима Горького. Я же полагаю, что Вантит — это целый комплекс памятников древнерусского времени на берегах реки Воронеж севернее нашего города.

Между прочим, президент Национальной академии наук Украины Петр Петрович Толочко (который, к слову, когда-то изрядно «удревнил» Киев) считал Вантитом именно столицу Украины. Но в начале 1990-х он приезжал в Воронеж, я водил его по нашим «древнерусским местам» и, похоже, «перевербовал». Вскоре он вручил мне свою книгу с такой дарственной надписью: «Дорогому Анатолию Пряхину с благодарностью за чудесную экскурсию по Вантиту. 06.01.1992».

— И коль уж, Анатолий Дмитриевич, мы упомянули Украину... Некоторые украинские ученые, в том числе и историки, такое выдают про Россию, а уж относительно собственной истории «Незалежной» несут полную ахинею!

— Дураки и негодяи были и будут всегда, во всех странах и всех слоях общества. Но рано или поздно эта пена сойдет. Хотя, конечно, сейчас честным и порядочным ученым на Украине непросто. Для меня эта тема больная — много лет мы тесно и плодотворно сотрудничали с украинскими коллегами, я был руководителем с российской стороны совместных археологических экспедиций, сопредседателем международных полевых семинаров, членом редакционных коллегий ряда украинских археологических изданий... Но здравый смысл все равно берет верх: я до сих пор (к сожалению, единственный из российских ученых) — член редакционного совета журнала «Украинская археология», и в одном из его прошлых номеров была опубликована статья «А.Д. Пряхин и украинская археология». В общем, как бы там ни было, а караван идет...

— «Елец — это поистине отдельная глава в моей жизни». «Я очень рад, что и сам через много лет смог стать чем-то полезным родному городу». Так сказали вы, Анатолий Дмитриевич, в начале нашей беседы. А можно об этом поподробнее?

— Конечно! Я упоминал уже, что во «времена оные» Елецкий пединститут вузом являлся весьма скромным — даже истфака не было. Но с приходом в 1986 году молодого, энергичного ректора Валерия Петровича Кузовлева ситуация стала меняться, и, помимо прочего, в 1989-м была образована кафедра по общественным наукам. В 1993 году в институте появилась новая кафедра — историко-культурного наследия, и вот в штат этой кафедры в качестве совместителя был приглашен и я — читал на филфаке спецкурс «Отечественное историко-культурное наследие».

А я еще в 1991 году выступал на Ученом совете ЕГПИ с докладом, в котором предложил совместно с Воронежским университетом реализовать научно-прикладную программу «Елец — уникальная историческая территория России», составной частью которой непременно должны стать археологические раскопки. И хотя копали мы в округе Ельца и в 1989-м, и в 1990-м, но с 1991 года работать с моими младшими коллегами стали там гораздо активнее; также издали брошюры, посвященные археологическим памятникам Елецкой земли. А в 1996 году произошли два значимых для меня события: в Елецком пединституте открылся исторический факультет, и мне было присвоено звание «Почетный гражданин города Ельца»...

Вот, между прочим, — прочувствуй, что для меня значит малая родина... Самую первую в жизни публикацию — рецензию на книгу «Очерки истории Воронежского края...» в № 3 журнала «Подъём» за 1962 год я подписал просто: «Елец». Не имя-фамилия, а «Елец» и все. Как псевдоним, что ли. И «Аура Ельца» для меня слова не абстрактные, а самые живые, родные и сокровенные. Да что там!.. Говорить о Ельце я могу часами. Долго работал у них на полставки. Сейчас уже нет, хотя зовут снова. Но я просто, так сказать, сферу своей деятельности понемногу сужаю — не хочу распыляться, разбрасываться (а когда-то читал лекции по всей стране). Однако проблемы историко-культурного наследия в целом и археологического наследия, охраны памятников в том числе, для меня — и, может, в первую очередь применительно к Ельцу — по-прежнему в ряду главных приоритетов. Елец же — это не только «археология»; это еще и символ, и место чудесного спасения Руси от полчищ Тамерлана; это — Бунин, Пришвин, Хренников, многие-многие другие замечательные земляки. Горд я и тем, что в свое время участвовал в процессе «преобразования» Елецкого пединститута в университет, и тем, что все «мой ельчане» тоже в системе развития, и теперь уже не надо никому доказывать значимость археологии для университета, города, всей Липецкой области в целом.

И я должен еще, обязательно должен сделать книгу «Елец в моей жизни». Не строго научную, а для самого широкого круга читателей. Как знак великой благодарности и признание в любви моей малой родине.

— А кого, Анатолий Дмитриевич, вы бы могли назвать своими учителями?

— Студенческие годы, аспирантура, подготовка и защита кандидатской диссертации — это, конечно, в основном Анна Николаевна Москаленко. Потом просто колоссальную роль в моем становлении как ученого сыграл Борис Александрович Рыбаков. И, разумеется, считаю своими учителями академиков Валерия Павловича Алексеева и Анатолия Пантелеевича Деревянко. Все они в археологии — фигуры и личности просто гигантского масштаба.

— Вы и сами, Анатолий Дмитриевич, давно уже входите в элиту российской археологии и отмечены различными званиями, степенями, наградами.

— Признаюсь честно: наиболее значимы для меня из признания заслуг этого рода — звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», членство в Российской Академии естественных наук и то, что в 2007 году я стал лауреатом Национальной премии «Достоиние поколений» с формулировкой «За большой

вклад в профессиональную подготовку археологов». Число же ученых советов, редакционных коллегий, оргкомитетов и проч., где я состоял в разные годы или состою по сей день, и сосчитать трудно...

А, кстати, знаешь, какое мое «звание» является просто уникальным?

(Автор сих строк только развел руками).

— Я — первый выпускник исторического факультета ВГУ, защитивший докторскую диссертацию. Ты понимаешь, лауреатов, академиков, «заслуженных» много, а это «достижение» уже никто никогда не превзойдет и даже не повторит. Хотя в науке у меня нет внутреннего чувства соперничества с кем-либо. Мне не важно, что кто-то поднимется выше меня, да к тому же чужие успехи — это ведь прекрасный стимул для собственного развития. И вообще, у меня то, что начинается, никогда не заканчивается. Плюс — говорил уже: все мои ученики тоже в системе развития. Снова повторюсь: я свои горизонты уже сужаю — не стал подавать на завкафедрой археологии и истории древнего мира; отказался избираться в РАН (предлагали, но там надо вести какой-нибудь блок, а я «свободный художник»); перестал официально сотрудничать с Ельцом — просто приезжаю иногда на раскопки, — но за меня в каком-то смысле работает школа — утвержденная еще в 1999 году Ученым и Научно-техническим советами ВГУ научная школа «Археология Евразийской лесостепи».

— Это, конечно, замечательно, Анатолий Дмитриевич, но ведь и «свободный художник» Пряхин без дела не сидит?

— Не сидит. Продолжаю вести занятия на истфаке ВГУ. А главное сейчас для меня — подготовить и выпустить в свет трехтомное издание «Археология в Воронежском госуниверситете». Первый том (от периода становления до конца 1980-х) уже вышел. Заканчиваю второй том, который я разделил на две части — условно говоря, «Наука» и «Подготовка кадров», время: 1990-е — середина первого десятилетия XXI века. А третий том будет — воронежская археология на современном этапе. Издание уникальное, подобных в России нет. Ты представляешь, сколько надо перечитать при подготовке этого трехтомника! У меня за плечами сотни статей и десятки монографий, но, честное слово, монографии писать легче, чем такой сводный труд.

— Ну и последний вопрос, Анатолий Дмитриевич... А вернее, два. Если кратко: что все же для вас самое главное в науке? Ну и... Ну и, может быть, просто по жизни, есть какое-нибудь увлечение («хобби» произнести не рискнул)?

Он энергично кивнул:

— Самое главное в науке — эпоха бронзы! Ты ведь пойми: наша «бронза» — это уже не первобытность какая-то. Металлургия, боевые колесницы, письменность... Чего удивляешься? А сосуды со знаками срубников? Это же своего рода письменность! А интереснейшие военно-аристократические погребения доно-волжской абашевской культуры II тысячелетия до нашей эры! Это индоиранцы. Еще не разделившиеся. И представляешь, некоторые признаки и проявления абашевской культуры я видел, как думаешь, где? В Гималаях! Ее дыхание там ощущается, чувствуется. Для меня многие вещи в тех местах были просто родными.

А что касается увлечения... Ну да, есть.

— И какое?

Анатолий Дмитриевич пожал плечами:

— Археология Древней Руси. Но об этом мы уже говорили...